

31. *Чаадаев Н.* Мимоходом. 1: Маклеры и словоблуды революции // Воля народа. 1917. 30 септ.

32. Этический коммунизм эпохи гражданской войны. С. 231—271.

33. *Поссе В.А.* В годы гражданской войны. С. 238.

34. *Бабицкий Б.* Расчетные знаки «Разум и Совесть» // Советский филателист. 1926. № 3. С. 18; *Багрий Н.* Чеки «Разум и Совесть» // Советский коллекционер. 1932. № 3. С. 70—72. В статье Б. Бабицкого чеки бумажный и латунный воспроизведены.

35. ОР РНБ. Ф. 266. Оп. 1. Д. 472.

Дружинин Николай Петрович (1858—7) — писатель и публицист, приятель М.Горького и Н.А.Рубакина. В 1909—1918 г. — издатель и редактор ярославской газеты «Голос» и в 1910 г. — литературно-краеведческого еженедельника «Ярославские зарницы». Помогал В.А.Поссе в устройстве лекций. После эсеровского восстания 1918 г. в Ярославле арестован, В.А.Поссе через А.В.Луначарского помогал в освобождении. Позднее вел крестьянскую жизнь и читал лекции в Рыбинске.

36. *Поппер Карл.* Открытое общество и его враги. Т.1: Чары Платона. М., 1992. С. 123—211.

37. Новый Завет: Деяния святых апостолов. Гл. 2. Стих. 44, 45; Гл. 4. Стих. 32, 34, 35.

38. *Рассел Бертран.* Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 13.

39. *Сорокин Питирим.* Голод и идеология общества. Впервые эта статья опубликована в петроградском журнале «Экономист» (1922, № 4—5) и с некоторыми изменениями и сокращениями перепечатана в кн.: Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990. С. 376—413.

Б.И.Колоницкий

Эмиграция, военнопленные и начальный этап германской политики «революционизирования» России (август 1914—начало 1915 г.)*

При изучении российской политической эмиграции следует помнить, что она была разнородной: одни спасались от репрессий, другие стремились повысить свой статус в революционном подполье — эмиграция была важным этапом карьеры видных профессиональных революционеров. Однако политическая эмиграция не существовала сама по себе, в чистом виде. В действительности она переплеталась с эмиграцией трудовой и национальной. Работа и учеба, бегство от национальных репрессий и межнациональных конфликтов побуждали многих покинуть Россию. Особую группу составляли украинцы, поляки, немцы, представители других этнических групп, живущих на территории различных государств. «Неполитические» эмигранты всевозможными контактами были связаны с «политическими» — особенно показателен пример студентов. Другой пример — некоторые издатели, авторы, выпускавшие запрещенную в России литературу. Многие издания приобретались русскими туристами. И это не единственный случай, когда политическая деятельность эмигрантов переплеталась с коммерческой.

* Автор считает своим долгом выразить признательность фонду «Фольксваген», фонду Л.З.Копелева, Тринити-колледжу (Кембридж), поддержка которых сделала возможной работу в архивах Германии и Великобритании. Работа не была бы возможной без помощи доктора, профессора Д.Байрау, доктора Л.З.Копелева, доктора, профессора В.Айхведе, доктора М.Хиллер, доктора П.Я.Крупникова, доктора О.Файджеса, содействия Ф. фон Лукович, А.Шётт, А. и Э.Херциг. Всем им автор приносит свою благодарность.

Это следует иметь в виду, когда мы рассматриваем связь эмиграции с политикой «революционирования».

Неопределенность, неотделимость политической эмиграции от иных эмигрантских групп затрудняет подсчеты. Очевидно, что применительно к периоду первой мировой войны мы можем говорить о тысячах эмигрантов. Во всяком случае российский посланник в Великобритании К.Д.Набоков после Февральской революции сообщал о 6 тыс. политических эмигрантов, желавших вернуться в Россию (речь шла о европейских странах, не учитывались эмигранты, жившие на территории государств — противников Великобритании).¹

Цифра представляется реальной: к 18 июня 1917 г. только на английских судах в Россию вернулось 2296 российских граждан, в том числе 983 «политических беженца».² Но при этом примерно 1000 «политических беженцев» и 600—700 студентов, желавших возвратиться, не смогли осуществить свое желание.³

Известный исследователь политики Германии в годы первой мировой войны Ф.Фишер отмечает, что политика революционирования России прошла несколько стадий. Первоначально она была подчинена чисто военным целям: ставилась задача максимального ослабления противника. Затем собственно политические мотивы выходят на первый план: революционирование рассматривалось как средство давления на противника с целью заключения сепаратного мира. Наконец, эта политика приобретает самостоятельное значение: формулируется задача свергнуть царизм и исключить Россию из числа великих держав.⁴

В современной литературе на русском языке, посвященной германской политике «революционирования», основное внимание уделяется следующим сюжетам: деятельность А.Л.Парвуса (Гельфанда), финансирование партии большевиков, поездка русских эмигрантов через Германию в 1917 г.⁵

Последние два сюжета также связаны с Парвусом. Особая роль последнего подчеркивается и в известной публикации З.Земана: она открывается письмом от 9 января заместителя государственного секретаря А.Циммермана государственному секретарю Г. фон Ягову, в котором сообщается о контактах и инициативах Парвуса.⁶ Как известно, он указывал, что у германского правительства и у российских революционеров

общие цели: сокрушение царизма и разделение империи на ряд небольших государств. Соответственно, Парвус ставил вопрос о финансировании российских революционеров, т.е. в первую очередь самого Парвуса. Известно, что этот план в конце концов был поддержан.

Создается впечатление, что начало политике «революционирования» было положено данной инициативой. В действительности эта политика была начата раньше, а деятельность Парвуса представляла лишь одно из направлений. Следует упомянуть, что опубликованное письмо содержится в 3-м томе архивных дел серии «Мировая война — Секретно — Подрывная работа против наших противников — Россия, в особенности Финляндия и Балтийские провинции». Название (его Земан не упоминает) в целом отражает содержание документов: преобладают документы, посвященные «революционированию» «национальных окраин», особое внимание уделялось Финляндии. Соответственно, в двух предыдущих томах содержатся документы, касающиеся «революционирования» Российской империи на начальном этапе войны (всего в этом собрании 25 томов). Кроме того, в Политическом Архиве Министерства иностранных дел ФРГ (Бонн) содержатся отдельные собрания документов, посвященные аналогичной политике на Украине (24 тома), на Кавказе (20 томов), среди еврейского населения России (6 томов), в Сибири (2 тома), с помощью международного рабочего движения (2 тома).

Следует отметить, что политику «революционирования» — правда, с меньшим успехом — Германия пыталась проводить и по отношению к Британской и Французской колониальным империям: уже 30 июля 1914 г. кайзер призвал к разрушению английской и французской колониальных империй, он ставил задачу использования ислама против «английских лавочников». 2 августа начальник Генерального штаба фон Мольтке в письме в Министерство иностранных дел призвал использовать ислам как оружие в борьбе против Великобритании, Франции, России; предполагалось также в борьбе против Англии опираться на буров.⁷

Россия не была и единственным объектом германской пропаганды: к 31 января 1918 г. Германия потратила на пропаганду 382 млн. марок, в том числе на пропаганду в

выделение этнических немцев? из числа российских военнопленных.¹³

Эти планы совпадали с идеями представителей германской политической элиты. Фон Шверин, глава администрации во Франкфурте-на-Одере, направил 27 января 1915 г. письмо представителю Военного министерства в Берлине. Ссылаясь на мнение знатоков положения в России, он считал нужным продолжить разделение российских военнопленных по национальному и религиозному признаку. Он указывал, что вне зависимости от того, будут ли достигнуты германские цели войны, в интересах империи поддерживать центробежные силы в России. Представители различных национальностей должны настраиваться против существующего «автократически-деспотического режима». Для этого они должны снабжаться литературой на родном языке. Фон Шверин поддержал заместителя начальника Генерального штаба Германии (письмо от 26 января).¹⁴

Известно, что подобные планы были впоследствии реализованы — появились особые лагеря для российских военнопленных — украинцев, грузин, татар.¹⁵

В своем письме фон Шверин предлагал также воздействовать на военнопленных-великороссов, разъясняя им «трагическое экономическое положение» родины. Признавалось необходимым снабжать литературой и поддерживать все элементы, враждебные «современной русской государственной идее». Автор записки отмечал, что военнопленные-офицеры проявляют большой интерес к подобной литературе, запрещенной в России, и высказывал предположение, что подобный же интерес проявят и образованные солдаты, которые, со своей стороны, будут читать вслух своим неграмотным товарищам. Далее фон Шверин заявлял, что одна берлинская фирма готова предоставлять соответствующую литературу (можно предположить, что подразумевалась либо фирма Каспари, либо издательство Ладыжникова). Цена книги объемом в 10 листов составляла 1 марку. Фон Шверин полагал, что на тысячу военнопленных необходимо не менее 50 книг. Таким образом, для снабжения 100 тыс. военнопленных, по его расчетам, необходимо 5 тыс. марок, что, учитывая значение акции, было, по его мнению, вполне приемлемо.¹⁶

Еще ранее, в письме от 19 декабря 1914 г., вопрос о

пропаганде среди русских военнопленных поднял член палаты господ, профессор, тайный советник Гиллебрандт. В сопроводительном письме в Военное министерство от 3 января представители внешнеполитического ведомства поддерживали эту инициативу. Они также предлагали привлечь к подобной деятельности одного из социал-демократических депутатов. В черновике письма называлась кандидатура депутата А.Зюдекума. Отмечалось, что он уже оказал германскому МИДу существенные услуги в деле пропаганды с момента начала войны, а кроме того, он участвовал в обсуждении вопроса об «антирусской пропаганде среди русских военнопленных». В письме же Гиллебрандту от 9 января 1915 г. представители МИДа отмечали, что работа по подобному воздействию на французских военнопленных уже ведется.¹⁷

В этот же период представители Военного министерства и Министерства иностранных дел начали обсуждать вопрос о снабжении русских военнопленных литературой и об издании специальной газеты на русском языке для военнопленных. Разногласия возникали лишь по поводу того, какую долю расходов должно было нести каждое из ведомств.¹⁸

Мысль о «заражении» русских военнопленных радикальными идеями буквально носилась в воздухе. 3 февраля в МИД поступило соответствующее письмо от доктора Ю.Цумтца. Он считал, что подобная политика может стать эффективным средством постоянного давления на русское правительство, с помощью чего можно будет добиваться улучшения положения германских военнопленных и даже подталкивать Россию к сепаратному миру. Призывая обличать деспотизм и коррупцию русского правительства, автор ссылаясь на исторический прецедент: во время прусско-австрийской войны 1866 г. Бисмарк побуждал венгров к выступлению против Габсбургов.¹⁹ Для реализации подобных планов привлекались немецкие ученые-слависты. Так, приват-доцент, доктор Эрих Беме по заданию Общества внутренней колонизации составлял брошюру «Родная речь» на русском языке.²⁰

Но необходимы были и контакты с эмигрантами. Пропаганда среди военнопленных — наряду с прочими факторами — подталкивала различные германские ведомства к подобным контактам. Политика Германии по отношению к различным российским эмигрантским группам определялась под воздей-

ствием ряда факторов, в первую очередь под воздействием германских целей войны. Известно, что Германия стремилась к созданию зависимых от нее буферных государств, возникших вследствие отделения от Российской империи пограничных областей. Соответственно, сразу же большое внимание стало уделяться национальным эмигрантским группам.²¹

Подобная политика опиралась на определенную традицию: еще Бисмарк и «старый» Мольке предполагали в случае войны с Россией использовать внутренние национальные противоречия. «Толпы» российских эмигрантов различной национальности, прибывавшие в европейские страны, были сами по себе ярким доказательством глубокого кризиса империи.²²

По-видимому, никакое другое направление политики «революционизирования» России ни по масштабам, ни по значению не может быть сопоставимо с «финской политикой». Уже в начале августа 1914 г. известный финский «активист» К.Циллиакус встретился с германским представителем в Стокгольме. В ноябре того же года финские политические деятели Ф.Ветерхоф и И.Зюндваль основали в Берлине финский комитет, значение которого возросло после того, как к нему присоединился Г.Гуммерус. Информация комитета оказала большое воздействие на германскую политику революционизирования Финляндии. Но еще до этого, 6 августа, канцлер поставил перед германским посланником в Стокгольме вопрос о необходимости подготовки восстания в Финляндии. Соответствующие планы разрабатывались весьма интенсивно, в Швеции немецкие представители закупали и складировали десятки тысяч единиц оружия (для этого ассигновались сотни тысяч марок), в Финляндии создавалась разведывательная сеть. Германские представители стремились парализовать русскую, английскую и французскую военную пропаганду в Финляндии и Швеции и ставили вопрос о переводе на финский и шведский языки немецких военных бюллетеней. На первом этапе большую роль играли финские эмигранты в Швеции и Германии, которые, по данным британской спецслужбы, как правило, были настроены «антирусски». Во внушительном списке «вражеских агентов», составленном представительством Британского военного контроля в Петрограде, насчитывалось 364 человека, по преимуществу с финскими и шведскими именами, в их числе упоминался и доктор Г.Гуммерус.²³

Довольно рано устанавливаются контакты и с украинскими эмигрантскими группами. Как сообщал германский посол в Вене 18 августа, австро-венгерский Генеральный штаб подготовил 100 тыс. экземпляров «повстанческих» листовок для распространения на территории российской части Украины. Туда же направлялись австрийские офицеры.²⁴

12 и 13 августа 1914 г. с австро-венгерскими военными и политическими представителями вели переговоры писатель А.Скоропис-Иолтуховский и агроном, директор Украинского кооперативного агентства в Лондоне М.Меленевский. Записку о переговорах последний направил в германское Министерство иностранных дел. Он высказал свое отношение к тактике «революционизирования» украинских масс (он употреблял именно такой термин). Галицийские украинские деятели предлагали в пропаганде основное внимание уделять украинской истории и культуре. Автор полагал, что подобная пропаганда не найдет отклика. Он предлагал пропагандировать и проводить радикальную аграрную реформу, направленную против крупных землевладельцев, среди которых преобладали «чуждые элементы» — поляки и русские. По его словам, подобную политику одобрил и митрополит Щепицкий. Скоропис-Иолтуховский и Меленевский были видными деятелями Союза освобождения Украины, созданного в Львове. Они рассматривали позицию политических организаций галицианцев как «правую» и противопоставляли ей собственный «революционный» курс. При этом они писали о своем желании ориентироваться не на Австро-Венгрию, а на Германию и, соответственно, враждовали с Высшим украинским национальным советом, находившимся в Вене. Для своей деятельности Союз испрашивал 1 млн. марок и 1 млн. руб., при этом первоочередные, безотлагательные потребности составляли 200 тыс. марок и 100 тыс. руб.²⁵

По-видимому, между Веней и Берлином существовало соглашение о паритетном финансировании украинских организаций: 4 сентября германский посол сообщал, что австрийское правительство выделило 500 тыс. крон на «украинскую пропаганду», и испрашивал такую же сумму. Очевидно, такое решение было получено, и деньги предполагалось использовать следующим образом: Украинскому совету — 100 тыс. крон, Союзу освобождения Украины — 100 тыс. крон, представителю

украинских эсеров Зализняка для акций на Черном море — 200 тыс. крон (часть — 50 тыс. — в рублях, мелкими купюрами), 100 тыс. — резерв. В телеграмме посла от 20 октября указывалось, что австрийское правительство предоставило новый кредит: 200 тыс. крон было передано Зализняку. Был поставлен вопрос о предоставлении ему резерва и еще 200 тыс.²⁶

Подобное привилегированное положение украинских эсеров объяснялось их боевитостью и размахом деятельности (по крайней мере в отчетах): они утверждали, что еще до войны закупили оружие для своей боевой организации и переправляли через границу, в июле и начале августа под руководством майора Фишера члены партии прошли курсы бомбометания, после начала войны взрывали железные дороги и мосты в тылу российской армии, издали 4 листовки общим тиражом 85 тыс. (по другим отчетам — 200 тыс.) экземпляров и распространили их за линией фронта, вели устную агитацию, установили контакт и вели «совместную работу» с младотурками. Предметом особой гордости отчетов УПСР была агитационная работа среди матросов Черноморского флота (одна листовка была адресована им), при переговорах употреблялось выражение «революционизирование» Черноморского флота (телеграмма посла в Вене в Министерство иностранных дел). Планировалась также работа среди кубанских казаков. Зализняк сообщал также о своих контактах в эмигрантских кругах, о планах объединения всех политических противников царизма и создания некоего объединенного Центрального комитета в Швейцарии. При этом он жаловался на помехи, чинимые Союзом освобождения Украины.²⁷

Однако курьеры Зализняка не имели надлежащих инструкций и вообще внушали германским представителям подозрение. Они постарались получить свои деньги обратно. Зализняк вернул в декабре 500 тыс. — 400 тыс. были уже израсходованы. Но и это германские представители рассматривали как удачу.²⁸

В Берлине уже осенью 1914 г. появилось украинское пресс-бюро, возглавляемое Д.Донцовым, его издательская деятельность финансировалась и поддерживалась германским Министерством иностранных дел. В то же время МИД поддерживал и украинскую группу в Швейцарии, возглавляемую графом М.Тышкевичем и В.Степанковским. Последний

еще до войны получил субсидии от австро-венгерского правительства. В конце 1914 г. он вступил в контакт с германскими представителями, а с 1915 г. стал получать от них деньги. В своих контактах с германскими представителями Степанковский критиковал упомянутые украинские организации, с Союзом освобождения Украины у него были весьма натянутые отношения. Степанковский стал одним из важнейших информаторов и советников фон Ромберга.²⁹

По данным французских спецслужб, сотрудником украинского пропагандистского бюро в Женеве, ведущего сепаратистскую пропаганду среди украинцев-военнопленных, был Д.Мануильский (они считали его австрийским агентом). Согласно этому источнику, он располагал значительными суммами.³⁰

3 августа 1914 г. помощник государственного секретаря А.Циммерман направил германскому посольству в Турции указание содействовать политике революционизирования Закавказья. Уже в 1914 г. в Берлине был создан грузинский комитет, в состав которого вошли П.Сургуладзе, М.Церетели, Г.Мачабели. Комитет пользовался германской финансовой поддержкой. Большую активность проявлял также и приват-доцент Женевского университета юрист Л.Кереселидзе. Он отправился в Турцию и там с помощью германских представителей создавал базы для «революционизирования» Закавказья, его отчеты были отправлены уже 28 ноября 1914 г. Деятельности грузинских эмигрантов сочувствовали и многие политические деятели в Грузии: по свидетельству Н.Жордания, германофильские настроения преобладали и в среде грузинских социал-демократов. Впоследствии он сам тайно встречался с М.Церетели и Г.Мачабели, конспиративно посещавшими Грузию. На этих встречах согласовывались политические позиции.³¹

Предпринимались попытки использования еврейских организаций и отдельных деятелей. В сентябре 1914 г. Л. Розелиус, известный бременский коммерсант, проявлявший в то время большую личную внешнеполитическую активность (он участвовал в возвращении денег, предназначенных УПСР), сообщал в Министерство внутренних дел и руководителю немецких еврейских организаций, что «два влиятельных еврейских агента» отправились в Бессарабию, с тем чтобы в течение 10 дней возбудить там восстание, а затем и общую революцию против России. Им было предоставлено 50 тыс. золотых марок, а в

случае успеха обещано 2 млн. наличными и содействие Германии в деле освобождения евреев в России. Германский консул в Бухаресте проинформировал об этом МИД,³² его сообщение не сопровождалось никакими комментариями.

Осенью 1914 г. в контакт с германскими представителями в Швейцарии вступил и эстонский политик А.Кескула. 10 сентября он направляет письмо германскому правительству с предложением своих услуг, 12 сентября посланник фон Ромберг пересылает его в Берлин, сопроводив своим положительным заключением. 19 сентября Ягов предложил использовать Кескулу для пропаганды.³³ По-видимому, информация Кескулы повлияла на донесение Ромберг? от 5 октября, в котором он сообщает в Берлин о настроениях русской революционной эмиграции в Швейцарии, о необходимости использовать тысячи эмигрантов, живущих в этой стране.³⁴

В том же году Кескула начинает получать немецкие субсидии. Он представляет планы развития революционного движения в Эстонии, путешествует в Стокгольм. В январе он направляется в Вену, во время его встречи с украинскими политиками родилась идея конгресса всех оппозиционных национальных эмигрантских групп с целью последующего объединения, блока. Впоследствии была создана Лига народов-инородцев России, игравшая большую роль в планах «революционирования».³⁵

По тем же причинам эмигрантские группы прогерманской ориентации должны были расширять свою деятельность, не ограничивая ее национальными рамками, национальные эмигрантские группы должны были неизбежно вступить в контакт с российскими (см. план Зализняка).

Появляются и иные планы. Так, А.Кескула в Стокгольме в октябре 1914 г. предлагает местным большевикам деньги, оружие и все необходимое «для работы в России». Он же предлагает германскому правительству ряд мер, которые должны были способствовать развитию революционной активности еврейского населения России. Это, по его расчетам, вызвало бы ответную карательную реакцию царизма, которая, в свою очередь, привела бы к распространению антирусских настроений в еврейских общинах Франции, Великобритании и США.³⁶

Очевидно, на германские планы повлиял и опыт русско-японской войны, когда японские службы финансировали

русские оппозиционные движения. Некоторые консультанты германского правительства прямо указывали на этот прецедент.³⁷

Предложения использовать возможности русских социалистов поступали из разных источников. В своем письме от 26 декабря германский посланник в Румынии информировал министерство о беседе с либеральным депутатом прогерманской ориентации, ректором университета в городе Яссы, профессором Штере, уроженцем Бессарабии (из-за своих «прогрессивных взглядов» он провел ряд лет в Сибири). Штере отмечал, что русские социалистические круги проявляют значительную активность, и призывал поддержать их с помощью германских социал-демократов. При последующих встречах Штере указывал на возможность привлечения русских социалистов в Дании, Швейцарии, Швеции и Норвегии, а также украинцев-социалистов в Австрии.³⁸

7 января 1915 г. германский военный атташе в Софии сообщал, что он вступил в контакт с русским политическим эмигрантом врачом болгарской армии (он упоминался в донесениях под псевдонимом «доктор Траньен»). Последний утверждал, что у него сохранились тесные связи с революционными кругами, и аттестовал себя как руководителя революционного комитета в Софии, связанного с организациями в Швейцарии. Он заявлял о своем стремлении распространять мирные идеи и сообщал о значительном размахе революционного движения в России. В планы «Траньена» входила посылка эмиссаров с листовками. 20 января посланник в Болгарии послал в министерство запрос о возможности выделения «Траньену» 10 тыс. марок. Возможно, это предложение было отклонено. Сам «Траньен» заявлял, что прямое получение денег скомпрометирует его в глазах товарищей, и предлагал германскому Военному министерству приобрести патент изобретенного им аппарата для стерилизации воды за 200 тыс. марок. Эту сумму он предполагал использовать для реализации своих политических целей/*

Различные контакты германских представителей подталкивали их к сотрудничеству с эмигрантскими организациями. Так, 23 февраля 1915 г. военный атташе из Бухареста доносил, что его агент встретился с посланником видного российского революционера, работавшего на Николаевских верфях. Пос-

Г

ледный сообщал, что момент необычайно благоприятен для революционной пропаганды. Он просил организовать в Германии печатание революционных прокламаций и указывал типографии, которые ранее использовались русскими революционерами. Доверенный представитель атташе поддержал это предложение и рекомендовал типографии И.Ладыжникова в Берлине и Дитца в Штутгарте. По-видимому, прокламации были отпечатаны.⁴⁰

В то же время с начала войны была начата политика «революционирования» военнопленных — в лагеря практически беспрепятственно стали поступать эмигрантские издания «Голос» и «Мысль».⁴¹ Очевидно, первоначально эта политика не была централизованной: коменданты отдельных лагерей посылали свои запросы относительно различных русских эмигрантских изданий, издательств и политических групп в германское посольство в Швейцарии. В то время, когда «подрывная» литература уже шла потоком в одни лагеря, в других комендатуры это всячески преследовали — в некоторых случаях до середины 1916 г.⁴²

Политика «революционирования» библиотек военнопленных принесла плоды. Вдова генерала А.В. Самсонова, которая в качестве сестры милосердия обследовала лагеря в Германии, сообщала: «Сами же немцы усиленно комплектуют лагерные библиотеки книгами тенденциозного содержания с явным желанием очернить в глазах пленных наших союзников, а главное все русское». Другая русская сестра милосердия посетила лагерь Кроссен: «Заглянув в небольшую библиотеку для пленных, я убедилась, что книги были исключительно революционного характера, был и сборник анекдотов на императора Николая II».⁴³

Сходную картину рисует и бывший военнопленный: «Есть берлинские издания на русском языке, выпущенные еще до войны германскими издателями для русских туристов: "Тайны Николая II", "Пикантные анекдоты про русский двор", наряду с этим отдельные статьи Толстого, Горького, Короленко. Во многих лагерях были устроены небольшие библиотеки с целью "революционировать" русских пленных».⁴⁴

Немалую долю книг составляли издания, поступившие из колоний русских эмигрантов, в особенности из Швейцарии: «Немцы пропускали все, народнические и марксистские изда-

ния пропускались тюками», — вспоминал один из военнопленных.⁴⁵ Но значительную часть подобных библиотек составляла продукция берлинских издательств Ладыжникова и Каспари, выпускавших русские книги, в том числе и те, которые были запрещены в России. Рекламные проспекты издательств печатались в газете «Русский вестник», которую германские власти стали затем издавать для русских военнопленных. Можно предположить, что и издание газеты было связано с сотрудниками данных фирм.

Поступали и другие пропагандистские предложения «революционирования», исходящие из неревolutionных кругов. Как сообщает германский посланник в Христиании в Министерство иностранных дел от 8 октября 1914 г., «подозрительный русский» Иллиодор явился к нему. Он предложил германскому правительству приобрести рукопись своей книги с целью дальнейшего распространения среди русских военнопленных и солдат на фронте, «чтобы люди знали, за что они воюют». Иллиодор утверждал, что царевич Алексей был рожден от Распутина, что последний, благодаря своему влиянию на царицу, вызвал вступление России в войну, что Распутин является фактически самодержавным правителем России и главой русской церкви. Иллиодор полагал, что его информация должна заинтересовать кайзера. По-видимому, предложение не произвело особого впечатления, и Иллиодор направил телеграмму прямо Вильгельму II. После этого фон Ягов направил 9 января 1915 г. письмо посланнику в Христианию. Он выразил сомнение относительно покупки книги, однако контакты с Иллиодором считал полезными. Очевидно, германский Генеральный штаб с большим энтузиазмом отнесся к этому делу: 13 февраля его представитель встретился с Иллиодором, который представил перечень имеющихся у него документов о Распутине. Возможно, это произвело большее впечатление: 17 февраля посланник сообщает, что представитель военных считал целесообразным отправить Иллиодора и его переводчика в Берлин.⁴⁶

К делу пропаганды среди военнопленных были привлечены затем национальные организации. Издавались грузинская газета, журнал «Эль Джихад» для мусульман.⁴⁷

Ссылку
на распутина
публиковали
некоторые

Как видим, уже до февраля 1915 г. (т.е. до того момента, когда инициатива Парвуса начала оказывать влияние) были установлены контакты различных германских и австро-венгерских ведомств с различными группами российской эмиграции. При этом инициатива исходила от обеих сторон. Среди эмигрантов можно выделить два типа инициатив. В одном случае предлагалось тайное сотрудничество, часто не ограниченное только политическими мероприятиями — речь шла и об актах диверсии и саботажа, о военных действиях и т.д. Авторы предложений отличала удивительная смесь авантюризма и оппортунизма. Во втором случае эмигранты обуславливали свое сотрудничество оговоркам», ограничивали его какой-то сферой (пропаганда среди военнопленных), стремились получить средства только для своей профессиональной и политической деятельности.

И в том, и в другом случае инициативы были запрограммированы на расширение. Сама логика контактов с могущественной бюрократической организацией требовала все новых, все более внушительных отчетов — для получения новых кредитов. В них личные и дружеские групповые связи подчас выдавались за эффективные политические структуры, частные поездки — за важные командировки, разговоры в кафе — за влиятельные совещания. Получение новых средств зависело от расширения размаха деятельности — реального или мнимого.

В орбиту деятельности «инициаторов» попадали все новые люди: исходя из собственных интересов, первые поддерживали, давали работу и заработок десяткам эмигрантов. Одни знали о реальных источниках поступления денег, другие только догадывались, некоторые не знали ничего, а многие предпочитали не знать.

Помимо политических факторов, на процесс формирования политики «революционирования» влияли и чисто рыночные факторы.

Со своей стороны, к привлечению эмигрантов склонялись и ведомства Германии и ее союзников. Политика «революционирования» была импровизацией с использованием подручных средств. В данный период они скорее «прощупывали» возможности различных организаций и отдельных лиц, но уже тогда «революционирование» Финляндии и пропаганда среди

военнопленных становились важными факторами политики, влиявшими и на другие аспекты «революционирования».

Можно сказать, что политика «революционирования» была просто неизбежной, значение отдельных важных акций не следует преувеличивать. Сам факт длительного существования настоящей политической контрсистемы — российского революционного подполья — предопределял эту политику. Подполье, важной частью которого была эмиграция, опиралось на укоренившуюся традицию, богатую субкультуру, разветвленную инфраструктуру и обнаружило колоссальную приспособляемость и способность к социо-культурному воспроизводству в самых экстремальных ситуациях.

В годы мировой войны кружки и группы эмигрантов — «лаборатории революции», испытав первоначальные трудности, нашли — иногда с помощью посредников — новых заказчиков, влияя подчас на запросы последних.

Однако политику «революционирования» проводила не только Германия. Общеизвестно, что из чехов, словаков, сербов, хорват, попавших в русский плен, даже формировались воинские соединения. Пропаганда велась и среди этнических итальянцев, некоторые из них поступали потом в итальянскую армию.⁴⁸

О «революционировании» противника мечтали и представители враждебной Германии коалиции. Заместитель министра иностранных дел Великобритании писал весной 1917 г.: «Наша единственная надежда — истощение Германии вследствие голода и революционного движения».⁴⁹ Известно, что на революцию в Германии большие надежды возлагали русские социалисты различной ориентации. Оправдывая поддержку июньского наступления, И.Т.Церетели впоследствии утверждал, что о наступлении тайно просили независимые немецкие социал-демократы (Каутский, Гаазе, Бернштейн) для провоцирования революции в Германии.⁵⁰

Причины большей эффективности аналогичной деятельности Германии объясняются все же не большей организованностью или большим количеством затраченных средств, а остротой противоречий в России.

При изучении истории политической мысли и политической тактики подпольных организаций большое внимание следует уделить такому фактору, как борьба за лидерство в сравнительно

некрупных социальных группах, иногда микрогруппах. Особенно это важно при исследовании эмиграции, когда в ограниченном количестве эмигрантских центров наблюдалась повышенная концентрация «вождей» разных поколений и разных культур. Борьба за деньги и за влияние в стране пребывания, бытовые конфликты и сплетни, романы и разводы стояли подчас за отвлеченными идеологическими дискуссиями.

Примечания

1. Public Records Office (Kew), Foreign Office (далее: PRO, FO) 371, 3008. P. 218. № 47652.
2. Ibid. P. 367.
3. Ibid. P. 387, 454.
4. Fischer F. Germany's Aims in the First World War. New York, 1967. P. 149.
5. См.: Камков Г.М. Февральская революция. Париж, 1984. С. 82—131. Из последних публикаций, посвященных этой теме, см.: Ландрес С. 1) Финансовые субсидии большевикам в 1917 году: Новые документы из «Особых папок» Секретариата ЦК и Оргбюро ВКП(б) // Отечественная история. 1993. № 2; 2) Немецкое финансовое участие в русской революции // Россия в 1917 году: Новые подходы и взгляды. С.-Петербург, 1993. С. 60—64.
6. Germany and the Revolution in Russia: Documents from the Archives of the German Foreign Ministry / Ed. by Z.A.B.Zeman. London; New York; Toronto, 1958. P. 1—2.
7. Kielmansegg P.G. Deutschland und der erste Weltkrieg. Frankfurt am Main, 1968. S. 214, 215.
8. Fischer F. Germany's Aims in the First World War. New York, 1967. P. 153.
9. Ibid. P. 149.
10. Senn A. E. Nicholas Rubakin: A Life for Books. Newtownville, Mass., 1977. P. 38, 39.
11. Senn A.E. 1) Nicolas Rubakin..., P. 38—41; 2) The Russian Revolution in Switzerland, 1914—1917. Madison, 1971. P. 139—141; Politisches Archiv des Auswaertigen Amts (Политический архив Министерства иностранных дел Германии, далее: PA AA). Russland, 104, № 11a; A. 19554. Сотрудничество с германскими властями не помешало Н.А.Рубакину в марте 1917 г., после Февральской революции, обвинить М.М.Бибикова, посланника в Швейцарии, в том, что он «выдает» Германии секреты России и ее союзников. Заявление Рубакина вызвало большой переполох, к нему был направлен представитель британского Министерства иностранных дел. Рубакин признал, что он не располагает никакими документальными подтверждениями своего заявления (PRO, FO 371, 3008. P. 188. № 66543; P. 200. № 82592).
12. PA AA. R 20757, A. 22751; Cambridge University Library, Manuscript Room,

Templewood Papers, II: 4, Coalition Group on Foreign Affairs, Summary of Statement made by General Golovin, 5. III. 1919.

13. Письмо фон Шверина, министра-президента, представителю Военного министерства, 27 января 1915 г. PA AA Der Weltkrieg. Russland 104. № 8b. R. 20867.
14. PA AA. Der Weltkrieg. R. 20867. A. 5763.
15. По оценкам украинских политических деятелей (очевидно, завышенным), в германских лагерях украинских военнопленных в 1917 г. находилось 500 тыс. человек (PRO, FO 371, 300. P. 177).
16. PA AA. Der Weltkrieg. R. 20867. A. 5763.
17. Ibid. A. 35601.
18. Ibid. A. 2593, 3671, 9171.
19. Ibid. Russland 104. № lie. R. 20986. A. 4299.
20. Ibid. № 11a. A. 19554.
21. Zetterberg S. Die Liga der Fremdvoelker Russlands, 1916—1918: Ein Beitrag *L* zu Deutschlands antimissischen Propagandakrieg unter den FremdvoeUcern Russlands/^? im ersten Weltkrieg. Helsinki, 1978. S. 40. *f*
22. Kielmansegg P.G. Deutschland und der erste Weltkrieg. S. 216, 217. *<?*
23. Zetterberg S. Die Liga der Fremdvoelker Russlands, 1916—1918. S. 40, 44; PA AA. R. 20983. A. 19498, 20327; R. 20986. A. 1368, 2095, 2471; Cambridge University Library, Manuscript Room, Templewood Papers, II: 2, Review of the Work of Foreign Espionage in Scandinavian Countries During the War Directed Against Russia. P. 2, 4; Alphabet. List of Enemy Agents. P. 12.
24. PA AA. Russland 104. № 11a. A. 17854.
25. Ibid. A. 18890, 19427, 24542.
26. Ibid. A. 23715, 23886, 27482.
27. Ibid. A. 28028, 29331, 5895.
28. Ibid. A. 35842, 5895.
29. Zetterberg S. Die Liga der Fremdvoelker Russlands, 1916—1918. S. 45; Hoffman J.F. V.Stepankovsky, Ukrainian Nationalist and German Agent // The Slavonic and East European Review. 1972. Oct. Vol. L. № 121. P. 594, 595. В декабре 1917 г. Степанковский предложил услуги своего бюро британскому внешнеполитическому ведомству (PRO, FO 371, 3000. P. 165—179).
30. Cambridge University Library, Manuscript Room, Templewood Papers, II: 4. Papers and Correspondence, 1920, 1924. Manouilski.
31. Zetterberg S. Die Liga der Fremdvoelker Russlands, 1916—1918. S. 44; Zurrer W. Kaukasien, 1918—1921: Der Kampf der Grossmaechte um die Landbruecke zwischen Schwarzen und Kaspischen Meer. Duesseldorf, 1978. S. 12, 14; PA AA, Russland, lid. A. 33828; Жордания Н. Моя жизнь. Stanford, 1968. С. 65, 68, 69.
32. PA AA. A. 23917.
33. Ibid. R. 20983. A. 22502, 22873.

34. Zetterberg S. Die Liga der Fremdvoelker Russlands, 1916—1918. S. 47; PA AJI, R. 20940. A. 26067.
35. Senn A.E. The Russian Revolution in Switzerland... P. 61—63; Zetterberg S. Die Liga der Fremdvoelker Russlands, 1916—1918. S. 45, 49, 54.
36. Futrell M. Northern Underground: Episodes of Russian Revolutionary Transport and Communications through Scandinavia and Finland, 1869—1917. London, 1963. P. 123, 132; Zetterberg S. Die Liga der Fremdvoelker Russlands, 1916—1918. S. 45.
37. PA AA. R. 20987. A. 7122.
38. Ibid. R. 20985. A.36569; R. 20986 A. 3000.
39. Ibid. R. 20986. A. 1478, 2516, 4478.
40. Ibid. Russland 104. № 11e. Abschrift zu A. 7674. В особом отделении при типографии Дитца в Штутгарте печатался известный марксистский журнал «Заря» (Николаевский Б. А.Н.Потресов: Опыт литературно-политической биографии // Потресов Л.Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 40.).
41. Senn A.E. The Russian Revolution in Switzerland... P. 135.
42. Кирин И. Под сапогом Вильгельма (Из записок рядового-военнопленного № 4925), 1914—1918 гг. М.; Л., 1925. С. 60).
43. Самсова Е.Л. Две командировки в Германию для осмотра военнопленных. Пг., 1917. С. 5; Казем-Бек П.А. Поездка по Германии во время войны русской сестры милосердия. Пг., 1917. С. 13.
44. Шамурин Ю.И. Два года в германском плену. М., 1917. С. 23.
45. Сотин М. В германском плену // Русские записки. 1917. № 2—3. С. 104.
46. PA AA. № Ис. R. 20984. A. 2587; R. 20985. A. 981; R. 20986. A. 3657, 3885; R. 20987. A. 6370.
47. Ibid. R. 20867.
48. В конце 1917 г. на территории России находилось 600 итальянцев, бывших военнопленных, а ранее солдат Австро-Венгрии, изъявивших желание служить в вооруженных силах Италии (PRO, FO 371, 3016. P. 318, 352. № 243669).
49. Cambridge University Library, Manuscript Room, Hardinge Papers. Vol. 31. P. 334: Письмо лорда Хардинга А. Гранту, секретарю правительства Индии, 24 апреля 1917 г.
50. Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Кн. 1. С. 233.

Лутиц Хэфнер

Эмиграция, ссылка и политика: левые эсеры в Берлине и судьба И.З.Штейнберга

Уже более полутора веков эмиграция и изгнание являются как бы типичной составляющей в контексте русской истории. Именно этой теме историческая наука уделяла в недавнем прошлом особое внимание.¹ Тем не менее в ней остались «белые пятна». Довольно хорошо исследована «культурная эмиграция» (т.е. эмиграция художников и писателей). Уровень же исследований, посвященных политическим партиям, оказывается несоразмерно низким. Лучше всего разработана тема эмиграции меньшевиков. Далее следует консервативный лагерь, а также буржуазный. Почти полностью выпали из поля зрения историков анархисты и фракции неонародничества.² Поэтому не удивительно, что даже такой крупный специалист по истории русской культуры, как Карл Шлегель, не включил в свой перечень периодических изданий, выпускавшихся представителями идейных и политических течений русской эмиграции в Берлине, журналы партии левых эсеров (интернационалистов) и Союза эсеров-максималистов — «Знамя» и «Знамя борьбы». Кроме того, он почему-то не упомянул издательство «Скифы», в котором, в частности, были опубликованы лирика и проза Сергея Есенина, Андрея Белого, Александра Блока и Р.В.Иванова-Разумника.³

Таким образом, обеим этим группам русского неонародничества снова была уготована судьба, которую можно охарактеризовать как типичную. Их не только относили к «побежденным» и «проигравшим» в русской революции 1917 г., к «бывшим людям», как назвал их нарком просвещения А.В.Лу-